

Н. Р. Сумбатова
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ ДАРГИНСКОЙ ГРУППЫ

1. Общие сведения о даргинском языке

Традиция рассматривает даргинский как единый язык, составляющий отдельную подгруппу нахско-дагестанской семьи. Даргинский в основном распространен в восточной части Республики Дагестан, число говорящих на нем – около 520 тысяч человек (оценка, 2002 г.). Его отличительная особенность – наличие большого числа сильно расходящихся диалектов (см. ниже).

1.1. Грамматические особенности

Структура даргинского языка в основном типична для нахско-дагестанской семьи, однако вместе с тем он обладает рядом нетривиальных и даже уникальных грамматических свойств. Как и в большинстве восточнокавказских языков, имена существительные в даргинском имеют категории числа, падежа и именного класса. Классное согласование, помимо глаголов, демонстрируют некоторых прилагательные, местоимения и деривационные суффиксы, а также показатели эссива, в том числе в составе послелогов и локативных наречий. В диалектах даргинского языка представлены, как правило, от двух до четырех местных падежей и четыре–шесть локативных серий, среди которых нередко выделяется типологически редкая серия «нахождения перед ориентиром». Две формы латива (суперлатив и иллатив), формально относящиеся к локативным падежам, часто имеют свойства грамматических падежей, выполняя ряд функций, типичных для датива.

Глагол в даргинском языке образует чрезвычайно большое число видо-временных и модальных парадигм. Большая часть глагольных форм представляет собой комбинацию одной из нефинитных форм глагола либо одной из глагольных основ и потенциально отделяемой от глагола частицы, выражающей лицо, время, отрицание, вопрос и т. п. Система нефинитных форм включает простые и специализированные деепричастия, краткие и полные причастия и несколько отглагольных существительных. В некоторых диалектах имеются спрягаемые формы конъюнктива, соответствующие инфинитиву других диалектов. Даргинский язык принадлежит к числу немногих нахско-дагестанских языков, имеющих развитое личное согласование.

Как и другие нахско-дагестанские языки, даргинский – язык с преобладанием эргативной конструкции предложения, однако встречаются и другие конструкции – биабсолютивная, аффективная и антипассивная; впрочем, сфера их применения сравнительно узка.

1.2. Диалектное членение

Разные авторы насчитывают в даргинском языке от 11 до 40 диалектов, причем различия между большинством из них так велики, что практически исключают взаимопонимание носителей, а расхождение основных диалектов, по данным глоттохронологии (Ю. Б. Коряков, личное сообщение), относится к 3 в. до н. э. Следует ли из этого, что даргинские диалекты следует скорее считать даргинскими языками – вопрос, заслуживающий отдельного обсуждения. На наш взгляд, с собственно лингвистической точки зрения проблема языка vs. диалекта не может иметь четкого решения, да, собственно говоря, и не является существенной. Поэтому вопрос о том, следует ли рассматривать хотя бы часть идиомов даргинской группы как отдельные языки, не будет обсуждаться в данной работе. Мы будем придерживаться традиционного термина *диалект* или употреблять нейтральный термин *идиом*. Однако, как будет показано в разделах 1.3 и 1.4, то или иное решение этой проблемы оказывается весьма важным с социолингвистической точки зрения.

Традиционно (Абдуллаев 1954, Хайдаков 1985, Мусаев 1999; 2002 и др.) даргинские диалекты подразделяются на две группы – диалекты акушинского и цудахарского типа, или, соответственно, северные и южные. К северной группе относятся, в частности, акушинский, губденский, кадарский, урахинский, уркарахский, мегебский диалекты, к южной – цудахарский, кубачинский, аштинский, ицаринский, чирагский, кайтагский, мугинский, муиринский, сирхинский и др.

Это членение базируется на существенном различии в системе согласных: в южных диалектах шумные смычные и аффрикаты образуют четверки, состоящие из простого (глухого придыхательного) согласного, сильного (геминированного, непридыхательного), абруптивного и звонкого (например, $t - t' - t: - d$; $c - c' - c: - ʒ$); северные диалекты не имеют геминированных согласных, так что четверкам соответствуют тройки ($t - t' - d$; $c - c' - ʒ$)¹. В большинстве случаев наблюдается также корреляция между наличием/отсутствием геминат и двумя морфологическими чертами: формой личного местоимения 'я' (в северных диалектах *пи*, в южных – *ду*) и формой личных окончаний, используемых в базовых финитных формах (см. раздел 3.2).

Две группы диалектов не вполне равноценны: количество диалектов в составе южной группы больше, и различия между ними гораздо более существенны. В южной группе наблюдается также более высокая степень дробности диалектного членения: именно на юге даргиноязычного ареала, в горных районах, мы сталкиваемся с одноаульными идиомами, причем языки соседних аулов могут демонстрировать достаточно серьезные различия. По-видимому, выделение двух диалектных групп необоснованно с исторической точки зрения. Такой вывод

¹ В даргинском языке нет фрикативных абруптивов, поэтому фрикативные согласные в южных диалектах образуют тройки вида «глухой простой – глухой геминированный – звонкий» ($\chi - \chi: - \psi$), а в северных – пары «глухой – звонкий» ($\chi - \chi: - \psi$ vs. $\chi - \psi$).

подтверждается предварительными лексикостатистическими подсчетами, сделанными Ю. Б. Коряковым (устное сообщение; см. тж. Коряков 2006), который разделяет идиомы даргинской группы на шесть подгрупп: 1) северную (акушинский, урахинский, мугинский, цудахарский, гапшиминско-бутринский, мюрего-губденский, кадарский, муиринский; 2) мегебский; 3) юго-западную (сирхинский, амухско-худуцкий, кункинский, санжи-ицаринский; 4) чирагский; 5) кайтагскую (верхне- и нижнекайтагский; 6) кубачи-аштинскую (кубачинский, аштинский).

Тем не менее можно сказать, что установившейся классификации идиомов даргинской группы до сих пор не существует.

1.3. Степень изученности

Первая большая работа по даргинскому языку – книга П. К. Услара «Хюркилинский язык» (Услар 1892), посвященная фонетике и морфологии диалекта, который сейчас, как правило, именуется урахинским. Характерно, что и даргинский язык в целом, и хюркилинский (урахинский) диалект Услар называет «языком». Традиция, в которой даргинский язык рассматривается как единое целое, в основном сложилась, очевидно, в двадцатые годы XX века – период советской политики «языкового строительства», когда на базе акушинского диалекта был создан даргинский литературный язык, была написана его первая грамматика (Жирков 1926) и создана первая письменность (на латинской основе – 1928 г.²).

К сожалению, подход к даргинскому как к единому языку оказался неблагоприятным для исследования языка. Проще говоря, начиная с 20-х гг. основная масса исследований была посвящена литературному языку или в лучшем случае акушинскому диалекту, на базе которого он создан, исследования же других диалектов рассматривались как область диалектологии и велись от случая к случаю.

В частности, литературному языку (помимо уже упомянутой грамматики Л. И. Жиркова) посвящена краткая, но содержательная грамматика (Абдуллаев 1954), работы М.-С. Мусаева (1999, 2002), Х. ван ден Берг (1999; 2001) и других исследователей. Материал диалектов хотя и привлекается во многих исследованиях, но чаще всего используется как фон, на котором выделяются особенности литературного языка. Имеются также собственно диалектологические исследования, но в них в основном приводятся разрозненные и несистематические сведения о тех или иных грамматических характеристиках некоторых диалектов, причем сам набор диалектов, привлекаемых для сравнения, разнится от случая к случаю. Почти единственным исключением до последнего времени были очень качественные работы А. А. Магометова, оставившего описание двух языков/диалектов даргинской группы – мегебского (1982) и особенно кубачинского (1963) – родного языка исследователя. В последние годы появились также описания ицаринского диалекта (Sumbatova, Mutalov 2003) и кайтагского (Темирбулатова 2004).

² В 1938 г. письменность на латинской основе была заменена кириллической.

Таким образом, на настоящий момент мы имеем описания следующих диалектов (в хронологическом порядке): урахинского, акушинского, кубачинского, мегебского, ицаринского, кайтагского. Следует заметить, что эти описания в основном сосредоточены на вопросах фонетики и морфологии; работы по синтаксису и грамматической семантике даргинского языка, тем более выполненные на современном теоретическом уровне, практически отсутствуют³. Однако для прочих диалектов мы не имеем даже и этого. Хотя в некоторых работах – в особенности в книге С. М. Гасановой (1970) и в статьях А. А. Магометова (1962, 1976, 1978 и др.) содержится довольно много информации, но эта информация, даже будучи систематизированной, не дает сколько-нибудь полного представления ни об одном из диалектов, помимо перечисленных – даже в области фонетики и морфологии.

Таким образом, описание фонетики и морфологии даргинских диалектов, помимо перечисленных выше, а также синтаксиса и грамматической семантики всех без исключения даргинских диалектов – задача, к решению которой исследователи практически еще не приступали.

1.4. Степень сохранности

Как большинство языков Кавказа, даргинский не относят к числу языков, находящихся под угрозой исчезновения. Действительно, данные последних лет указывают на значительный рост числа говорящих (365 тыс. по данным переписи 1989 г. против 520 в 2002 г.).

Однако оптимистические цифры являются результатом подхода к даргинскому как к единому языку. Растет число даргинцев в целом, однако большая часть из них говорит на нескольких наиболее крупных диалектах (акушинском, урахинском, цудахарском, губденском). При этом мы не знаем, что происходит с диалектами, число говорящих на которых не так велико. В связи с тем, что отток жителей из высокогорных аулов, наблюдающийся уже с шестидесятых – семидесятых годов прошлого века, в последние десять–пятнадцать лет очень ускорился, можно предполагать, что по крайней мере какие-то диалекты находятся под угрозой исчезновения. Конкретной информации у нас, к сожалению, недостаточно.

1.5. Необходимость изучения и документации даргинских диалектов

Таким образом, современное состояние даргинского языка и его изучения можно кратко суммировать так:

- даргинский имеет много сильно расходящихся диалектов: по-видимому, их не менее 18–20, однако точное число еще предстоит установить;
- глубина расхождения диалектов превышает две тысячи лет, лингвистические различия между ними огромны, взаимопонимание в общем случае невозможно;

³ Синтаксический раздел имеется в кратком очерке грамматики ицаринского диалекта (Sumbatova, Mutalov 2003), но и это описание – вынужденное краткое из-за формата серии, в которой оно издано, – не дает о синтаксисе диалекта достаточного представления.

Кроме того, полезные сведения о синтаксисе чирагского диалекта содержатся в работе (Кибрик 1979/2003).

– общепринятой генетической классификации этих идиомов не существует; лексикостатистические подсчеты (основанные на неполном материале) дают результаты, весьма далекие от традиционной бинарной классификации, для которой, впрочем, не существует диахронического обоснования;

– мы располагаем сравнительно полными сведениями о шести диалектах, причем даже для этих шести это в основном сведения из области фонетики и морфологии; синтаксис и грамматическая семантика остаются практически неисследованными;

– сведения о прочих диалектах обрывочны и плохо сопоставимы друг с другом;

– даргинский язык в целом не находится под угрозой исчезновения, но это не относится к большинству диалектов: степень их сохранности неизвестна.

Таким образом, можно сказать что одна из самых интересных групп в составе нахско-дагестанской семье явно не получает достаточно внимания лингвистов. Исправить это положение хотя бы отчасти призван проект, о котором пойдет речь в следующем разделе.

2. Проект изучения даргинских диалектов

Как очевидно из вышесказанного, до составления хотя бы сравнительно кратких грамматических описаний всех идиомов даргинской группы еще очень далеко, и вряд ли это достижимо в обозримый период. Тем не менее, довольно существенное количество важных сведений можно собрать и систематизировать сравнительно быстро, если опираться на то, что уже известно о грамматических структурах языков даргинской группы. Это является одной из задач проекта исследования языков даргинской группы, работа над которым началась в текущем году (участники проекта – Н. Р. Сумбатова, Д. С. Ганенков, Р. О. Муталов, Н. В. Сердобольская, В. С. Хуршудян).

Основной метод сбора данных, предусмотренный проектом, – полевые исследования в местах проживания носителей. Помимо полевой работы, предполагается собрать и по возможности систематизировать все сведения о диалектах, содержащиеся в имеющихся публикациях, многие из которых выходили ограниченным тиражом в малоизвестных издательствах и недоступны большинству исследователей.

Проект предполагает целенаправленный сбор и систематизацию сведений о диалектах даргинского языка, до сих пор не ставших объектом последовательного изучения, и включает следующие виды исследований:

– сбор базового словаря – в основном по списку из работы (Кибрик, Кодзасов 1988);

– сбор, анализ, глоссирование сравнительно небольшого корпуса текстов, представляющих разные жанры устной речи;

– сбор материала по базовым грамматическим проблемам – на основании заранее разработанных анкет, специально ориентированных на языки даргинской группы;

– сбор базовых социолингвистических сведений (число носителей, проживающих в местах исконного обитания, степень сохранности языка).

«Грамматическая» часть проекта предполагает концентрацию исследований на тех аспектах языковой структуры, которые наиболее характерны для даргинских языков и, возможно, отличают их от других языков нахско-дагестанской семьи. Имеющиеся сведения о тех диалектах, описания которых уже существуют (см. раздел 1.3), позволяют ограничить пространство ожидаемых возможностей для большинства параметров языковой структуры и тем самым несколько упростить исследовательскую процедуру. Ниже, в разделе 3, мы пытаемся показать пример такого ограничения – параметры межъязыкового варьирования идиомов даргинской группы, связанные с выражением личного согласования.

3. Личное согласование в идиомах даргинской группы: параметры межъязыкового варьирования

Как уже отмечалось, даргинские языки принадлежат к числу немногих нахско-дагестанских языков, где представлена категория личного согласования⁴. Причем в отличие от языков, довольствующихся бинарным противопоставлением *локутор – нелокатор* (*первое/второе лицо vs. третье лицо*) или *первое лицо vs. непервое лицо* (как в лакском и ахвахском), даргинский, как правило, противопоставляет по меньшей мере три лично-числовых формы глагола.

Расхождения между известными нам диалектами в области лично-числового согласования чрезвычайно существенны, но в то же время пределы, в которых происходит такое варьирование, очерчены сравнительно четко. Рассмотрим отдельные составляющие этого явления более подробно.

3.1. Контроль личного согласования

(1) Потенциальные контролеры

Во всех даргинских языках лицо контролируется либо аргументом в абсолютном падеже, либо эргативным агенсом⁵. При экспериенциальных глаголах (чаще всего при глаголе ‘хотеть, любить’) контролером согласования может быть экспериенцер в дативе или локативном падеже, выполняющем функции датива. Будем называть эти аргументы ядерными аргументами предиката. Маловероятно, что в каком-либо из даргинских диалектов найдутся другие типы контролеров.

(2) Правило выбора контролера

Правила выбора контролера в каждом конкретном случае варьируют чрезвычайно широко. В частности, засвидетельствованы следующие возможности:

1. личная иерархия $2 > 1 > 3$;
2. личная иерархия $1, 2 > 3$, преимущество абсолютива;
3. личная иерархия $1, 2 > 3$, преимущество эргатива;
4. подлежащий контроль.

⁴ Помимо даргинского, личное согласование представлено также в лакском, удинском, табасаранском, бацбийском и ахвахском языке.

⁵ Можно сказать, что контролером является аргумент в абсолютном падеже, но когда речь идет об эргативе, то необходимо указывать, что речь идет об эргативном агенсе, проявляющем свойства подлежащего: даргинский эргатив может использоваться также для выражения, например, инструмента и в этом случае никаких видов согласования контролировать не может.

В первом случае в качестве контролера личного согласования выбирается аргумент второго лица, если он представлен среди ядерных аргументов; если аргументов второго лица среди ядерных нет, но есть аргумент первого лица, то согласование указывает на присутствие первого лица; если оба ядерных аргумента третьего лица, то в третьем лице, соответственно, стоит и глагол (форму третьего лица можно считать немаркированной), ср. примеры (1a–e) из ицаринского диалекта:

1a) du-l u r-uc-ib-di
I-ERG you F-catch:PF-AOR-2
'Я поймал тебя (F).'

1b) ul du ucib-di 'Ты поймал меня (М).' (глагол в форме второго лица)

1c) dul ku^ʕr bucib-da 'Я поймал зайца.' (глагол в форме первого лица)

1d) muradil du gucib-da 'Мурад поймал меня (F).' (глагол в форме первого лица)

1e) muradil ku^ʕr bucib-sab 'Мурад поймал зайца.' (глагол в форме третьего лица)

Во втором случае первое и второе лица не имеют преимущества друг перед другом при выборе контролера личного согласования: если из двух ядерных аргументов один первого, а другой – второго лица, то форма глагола указывает на лицо абсолютного аргумента; если один из аргументов первого или второго лица, а другой – третьего, то форма глагола указывает на соответственно первое или второе лицо, см. примеры из акушинского диалекта (van den Berg 2001: 16):

2a) nu-ni ħu r-it-i-ri
me-ERG you:ABS F-beat-AOR-2
'Я побил тебя (F).'

2b) ħu-ni nu r-it-i-ra 'Ты побил меня (F).' (глагол в форме первого лица)

2c) dudeš-li nu r-it-i-ra 'Отец побил меня (F).' (глагол в форме первого лица)

2d) nu-ni rursi r-it-i-ra 'Я побил девочку.' (глагол в форме первого лица)

2e) dudeš-li rursi r-it-ib 'Отец побил девочку.' (глагол в форме третьего лица)

Третий случай отличается от второго тем, что в случае, когда один из ядерных аргументов первого, а другой – второго лица, личное согласование идет по эргативу (примеры из работы Кибрик 1979/2003 – чирагский диалект):

3a) dicce ŋu r-iqqan-da
me-ERG you:ABS F-lead-AOR-1
'Я веду тебя (F).'

3b) ŋicce du r-iqqan-de 'Ты ведешь меня (F).' (глагол в форме второго лица)

3c) dicce it r-iqqan-da 'Я веду ее.' (глагол в форме первого лица)

3d) ite du r-iqqan-da 'Он(а) ведет меня (F).' (глагол в форме первого лица)

3e) *ite russe r-iqqle* ‘Он(а) ведет девочку.’ (глагол в форме третьего лица)

Наконец, в последнем случае мы имеем дело с более привычным нам типом личного согласования: при переходных глаголах лицо контролируется эргативным агенсом, при непереходных – единственным ядерным аргументом в абсолютиве, ср. кубачинские примеры из (Магометов 1963):

4a) *dudil u wītul-da* ‘I am beating you.’ (глагол в форме первого лица)

4b) *udil id wītul-de* ‘You are beating him.’ (глагол в форме второго лица)

4c) *udil du wītul-de* ‘You are beating me.’ (глагол в форме второго лица)

4d) *iddil du wītul-saw* ‘He is beating me.’ (глагол в форме третьего лица)

4e) *iddil id wītul-saw* ‘He is beating him.’ (глагол в форме третьего лица)

Правило первого типа обнаруживается в ицаринском (Sumbatova, Mutalov 2003) и кайтагском (Магометов 1976) диалектах⁶. Второе правило зафиксировано в акушинском и урахинском диалектах, а также в литературном языке (van den Berg 1999; Uslar 1892; Magometov 1976); третье представлено в чирагском (изолированный диалект на крайнем юге ареала; см. Кибрик 2003: 483 – 485). Наконец, подлежащий контроль в основном характерен для кубачинского диалекта⁷ (Магометов 1963), а также для изолированного мегебского (Магометов 1982).

Ни в одном из диалектов не отмечено случаев расщепления правила контроля в зависимости от, скажем, выбора, видо-временной формы. Случаи колебания, как правило, связаны с синтаксическими особенностями (степенью слитности) конструкции.

Легко заметить, что во всех известных случаях в контроле личного согласования участвует эргативный агенс (это в основном отличает правило личного согласования от согласования по именному классу, почти везде последовательно контролируемому абсолютивом). На наш взгляд, полностью абсолютивный контроль личного согласования в других диалектах также крайне маловероятен.

3.2. Морфология личного согласования: наборы показателей лица

Во всех ранее описанных даргинских диалектах имеется по несколько наборов показателей личного согласования, причем материально они достаточно разнообразны. Но даже самый поверхностный анализ показывает, что все это разнообразие в абсолютном большинстве случаев сводится к трем базовым наборам лично-числовых показателей, которые мы соответственно назовем (1) клитическим набором; (2) «ирреальным» набором и (3) «оптативным» набором.

⁶ Ицаринский, кайтагский, а также кункинский и амухский диалекты, где также действует это правило (см. раздел 4), относятся по традиционной классификации к диалектам цудахарского типа (южным) и расположены сравнительно недалеко друг от друга. Таким образом, выяснение того, является ли согласование по личной иерархии общей генетической характеристикой одной из подгрупп даргинских языков или, возможно, ареальной чертой, в данный момент не имеет ответа.

⁷ А. А. Магометов описывает ряд случаев, когда в кубачинском языке при переходных глаголах контроль может передаваться абсолютивному пациенсу, см. Магометов 1976; 1963: 274 – 275.

Форма показателей клитического набора хорошо коррелирует с традиционным членением диалектов на северные и южные – в северных это *-ra* и *-ri* (или *-ra* и *-re*), в южных – *-da* и *-di* (*-da* и *-de*). Показатели данного набора противопоставляют второе лицо единственного числа (*-ri/-re*, *-di/-de*) граммеме, объединяющей второе лицо множественного числа и первое лицо независимо от числа (*-ra* или *-da*):

Южные диалекты		Северные диалекты	
	SG	PL	
1		-da	1
2	-di (-de)		2
			-ri (-re)

Показатели этого набора в той или иной степени сохраняют свойства клитик: в большинстве случаев они употребляются не только при глаголах, но и при предикатах других типов – именах, атрибутах, обстоятельственных группах (пример 6). В конструкциях с узким (аргументным фокусом) эти показатели отделяются от глагола и прикрепляются справа к фокусной группе (примеры 5b, 7):

Акушинский

5a) nu w-ak'-i-ra quli
I M-come:PF-AOR-1 home

‘Я пришел домой’.

5b) nu-ra w-ak'-ib-si quli
I-1 M-come:PF-AOR-ATR home

‘Это я пришел домой.’ (Хайдаков 1985: 195–196)

Кункинский (полевые данные)

1) ča u-di ? – pat'imat(-da)
who you-2 Patimat(-1)

‘Кто ты? – Я Патимат.’

7) du-de lal-ti etij peškeš-d-arq'-ib-il / peškeš-d-arq'-ib-ce
I-2 that-PL you:DAT present-NPL-do:PF-PRET-CONV /
present-NPL-do:PF-PRET-ATR

‘Это я тебе их подарил(а).’

Прочие наборы личных показателей содержат обычные суффиксы, однако отличаются как собственно набором морфем, так и типом выражаемой ими оппозиции. «Ирреальный» набор противопоставляет первое лицо второму, в то время как в «оптативном» наборе оппозиция устроена так же, как в клитическом.

Маркеры «ирреального» набора

Южные диалекты			Северные диалекты		
	SG	PL		SG	PL
1		-d	1	-s	- <i>ħe</i>
2	-t:	-t:-a, -t:- aja	2	-d	-d-a, -d-aja

Маркеры «оптативного» набора (все диалекты)

	SG	PL
1		-a
2	-i / -e	-a, -aja

В ряде диалектов встречаются и другие наборы показателей лица, однако, насколько можно судить по неполным данным, все они представляют собой комбинацию маркеров клитического и «ирреального» набора. Наличие в диалектах лично-числовых показателей, существенно отличающихся по форме и типу грамматической оппозиции от перечисленных здесь, маловероятно.

3.3. Выражение числа

В первом лице единственное и множественное число, как правило, не противопоставляются. В северных диалектах можно наблюдать наличие двух разных показателей для единственного и множественного числа первого лица, но только в «ирреальном» наборе показателей.

Для второго лица характерно противопоставление числовых форм. В клитическом и «оптативном» наборе для этого имеются разные личные показатели (которые тем самым являются лично-числовыми). Кроме того, имеется специальная морфема множественного числа -a, -a: или -aja, которая обнаруживается в большинстве форм, использующих «ирреальный» набор личных показателей. Существенно, что этот показатель сочетается исключительно с формами второго лица.

3.4. Распределение наборов личных показателей

Как уже отмечалось выше, наборы личных показателей распределены по разным видо-временным парадигмам. Проблема описания состоит, в частности, в том, что состав видо-временных парадигм отдельных диалектов практически не исследован (в частности, мы знаем о нем гораздо меньше, чем о категории личного согласования), хотя очевидно, что различия между диалектами по этому параметру чрезвычайно существенны. Поэтому здесь мы можем сформулировать только самые общие тенденции, которые, видимо, являются следствием разного происхождения личных показателей.

Показатели ирреального набора – единственные, для которых точно установлено их происхождение от личных местоимений (Troubetzkoy 1929; Nikolaev, Starostin 1994). Как правило, они сочетаются с формами, употребляемыми в зависимых

клаузах: условными (которые могут быть весьма многочисленными), уступительными, конъюнктивными. Кроме того, они могут захватывать область форм с хабитуальным или гномическим значением – в частности, почти всегда употребляются в так называемом «настоящем общем» времени⁸ и/или хабитуальном прошедшем.

Клитические показатели могут выступать только в вершинных клаузах предложений. В частности, только они используются в предложениях с неглагольными предикатами, а также в составе аналитических форм и более слитных форм, восходящих к аналитическим.

«Оптативные» показатели выступают в формах оптатива и сходных с ними по семантике, иногда также в формах, характерных для аподозиса условных конструкций.

4. Заключение: новые данные (с. Кунки и Худуц)

Сопоставление имеющихся сведений о даргинских диалектах позволяет хотя бы вчерне ограничить пределы варьирования основных параметров языка. В предыдущем разделе мы показали пределы такого варьирования для параметров, связанных с категорией личного согласования.

Прежде чем перейти к собственно полевым исследованиям, следует провести систематизацию сведений, касающихся других областей грамматики, прежде всего таких, которые особенно характерны для даргинского языка: например, количество и состав локализаций в именных формах; формальный состав глагольной парадигмы; именные классы и классное согласование; базовые конструкции простого предложения (непереходная, эргативная, биабсолютивная, антипассивная) и т. д.

Такая методика применялась в первой экспедиции, проводившейся в рамках описываемого проекта (апрель – май 2007 г.). В качестве объекта исследования были выбраны диалекты селений Кунки и Худуц. Оба селения расположены на юго-западе даргиноязычного ареала, в верховьях реки Уллучай. Жители Кунки говорят на идиоме, распространенном только в этом селении, речь жителей с. Худуц принято относить к амукскому диалекту. Оба диалекта относятся к южным (цудахарского типа) по традиционной классификации, к юго-западным по классификации Ю. Б. Корякова.

Хотя селения Кунки и Худуц находятся на расстоянии 6–7 км друг от друга, расхождения между их диалектами весьма существенны. Жители обоих селений хотя и пассивно, но достаточно хорошо владеют языком соседей, поэтому оказалось практически невозможно выяснить, насколько эти два диалекта взаимопонимаемы: жители Кунки и Худуца практически всегда понимают друг друга, но понимание основывается не на сходстве диалектов, а на владении языком соседей.

Сбор грамматической информации показал, что диалектные различия велики, но не выходят за пределы, обозначенные предварительной схемой. В частности, параметры, связанные с выражением личного согласования, выглядят следующим образом:

⁸ В акушинском и некоторых других диалектах формы, морфологически параллельные настоящему общему, выражают значение будущего времени и также присоединяют «ирреальные» окончания».

(1) контролеры: пациенс, эргативный агенс, в редких случаях дативный экспериенцер (для каждого экспериенциального глагола возможность контроля согласования отмечается в словаре);

(2) правило контроля: в обоих диалектах действует иерархия $2 > 1 > 3$ (как в кайтагском и ицаринском);

(3) морфология личного согласования: в обоих диалектах представлены уже знакомые нам наборы, однако тут есть некоторые расхождения. Кункинский диалект имеет в клитическом наборе показатели *-da* (первое лицо, второе лицо множественного числа) и *-de* (второе лицо единственного числа), хуцуцкий, соответственно – *-da* и *-di*. Аналогичные различия наблюдаются в «оптативном» наборе (Кунки: *-a*, *-e*; Худуц: *-a*, *-i*). В «ирреальном» наборе оба диалекта имеют обычные для южных идиомов показатели *-d* (первое лицо) и *-t*: (второе лицо). Однако в идиоме Худуца в результате оглушения и дегеминации согласных на конце слова оба окончания представлены в варианте *-t* во всех формах, где за ними не следуют никакие другие морфемы. В результате в парадигме настоящего общего времени различие между формами первого и второго лица нейтрализуется, в отличие от других форм, использующих данный набор окончаний, ср. *и՛՛ա՛-t* ‘я (всегда) читаю’ и ‘ты (всегда) читаешь’, но *и՛՛ա՛-d-i* ‘я (постоянно) читал’ vs. *и՛՛ա՛-t-i* ‘ты (постоянно) читал’. Нейтрализация различий первого и второго лица, насколько нам известно, до сих пор не отмечалась ни для одного даргинского диалекта;

(4) выражение множественного числа: множественное число выражается только во втором лице, в клитическом и оптативном наборе при помощи специального показателя лица/числа, в «ирреальном» имеется известный уже нам показатель множественного числа *-a* (в кункинском диалекте встречается также вариант *-ja*).

(5) распределение наборов личных показателей по видо-временным парадигмам подробно не исследовано (так как не полностью известен состав глагольной парадигмы), однако общие тенденции те же, что были сформулированы в разделе 3.4: в обоих диалектах клитический набор употребляется во всех видо-временных парадигмах, употребляемых в вершинных клаузах, за исключением настоящего общего и параллельного ему хабитуального прошедшего. Две последние формы, а также разнообразные формы условных наклонений, образованные от них уступительные формы и формы конъюнктива присоединяются окончания «ирреального» набора. «Оптативные» окончания пока обнаружены только в формах оптатива и прохибитива.

Помимо собственно лингвистических наблюдений. нам пришлось, к сожалению, сделать еще один – возможно, гораздо более важный – вывод: даргинские диалекты действительно, как мы и опасались, постепенно переходят в положение угрожаемых. В последние годы жители быстро покидают горные селения, а на равнине опасность нивелирования диалектных различий и даже полной утраты даргинского языка чрезвычайно велика. В частности, бывшие жители Худуца, проживающие в Махачкале, уже сейчас владеют родным языком только пассивно⁹.

⁹ Особенно далеко этот процесс зашел в с. Ицари, где еще в 1991 году (год нашего первого визита) проживало около 150 семей, а сейчас их не более 20 – 30, причем многие из оставшихся также планируют переселиться на равнину.

Таким образом, проблема описания малых даргинских диалектов перестает быть чисто научной задачей: как и многие другие языки и диалекты, они нуждаются в срочном исследовании и документации в связи с реальной угрозой вымирания.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2 – первое, второе лицо; ABS – абсолютив; AOR – аорист; ATR – атрибутивная (причастная) форма; CONN – деепричастие; DAT – датив; ERG – эргатив; F – женский именной класс; M – мужской именной класс; NPL – неличный именной класс, множественное число; PF – перфектив; PL – множественное число; PRET – претерит; SG – единственное число

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев С. Н. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала, 1954.
- Гасанова С. М. *Очерки по даргинской диалектологии*. Махачкала, 1970
- Жирков Л. И. *Грамматика даргинского языка*. М.: Центральное издательство народов С.С.С.Р., 1926.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол*. М., 1988.
- Кибрик, А. Е. Материалы к типологии эргативности. Даргинский язык (чиррагский диалект). В кн.: Кибрик, А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя, 2003. С. 482–504 [первое издание: *Материалы к типологии эргативности, Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 127. М., 1979].
- Коряков, Ю. Б. *Атлас кавказских языков*. РАН, Институт языкознания. М.: Пилигрим, 2006.
- Магомедов, А. А. *Кубачинский язык*. Тбилиси: АН Грузинской ССР. 1963.
- Магомедов, А. А. Личное спряжение в даргинском языке сравнительно со спряжением в табасаранском и лакском языках. *Иберийско-кавказское языкознание XIII*, 1962. С. 313–342.
- Магомедов, А. А. Личные формы инфинитива в даргинском языке. *Иберийско-кавказское языкознание XX*, 1978. С. 264–279.
- Магомедов, А. А. *Меgebский диалект даргинского языка*. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
- Магомедов, А. А. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III*, 1976. С. 203–218.
- Мусаев, М.-С. М. *Даргинский язык*. М.: Academia, 2002.
- Мусаев, М.-С. М. Даргинский язык. В кн.: *Языки мира. Кавказские языки*. М.: Academia, 2001. С. 357–369.
- Темирбулатова С. М. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Махачкала, 2004.
- Услар, П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык*. Тифлис: Управление кавказского учебного округа, 1892.
- Хайдаков С. М. *Даргинский и меgebский языки (принципы словоизменения)*. М.: Наука, 1985.
- Helmbrecht, Johannes. 1996. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung* 49: 127–148.
- Nikolaev, S. L. and Starostin, S. A. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Sumbatova, N. R., and R. O. Mutalov. 2003. *A Grammar of Icari Dargwa*. (Languages of the Worlds/Materials 92.) München: LINCOM Europa.
- Troubetzkoy, N. S. 1929. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiennes-orientales). *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 29 fasc.3 (No.88) : 153–171.
- Van den Berg, Helma. 1999. Gender and person agreement in Aqusha Dargi. *Folia linguistica XXXIII/1*: 153–168
- Van den Berg, Helma. 2001. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden: CNWS.